В110 223

ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. МАРЬЯМОВ

ИВАН СИВКОВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1943

ОНК
Фронт. б-ка

Б110223

А. МАРЬЯМОВ

ИВАН СИВКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1943

2 экз.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

781671

1

Первым заметил движение сельди в заливе летчик Сергей Басок.

Его «амфибия» шла над морем на бреющем полете. День был безветреный, солнечный, и спокойное море простиралось под плоскостями самолета, отливая тусклым свинцовым блеском. Невеселое дело — летать на рыбную разведку. Идешь над морем час, другой, третий... Покажется на горизонте пароходный дымок, скроется с глаз, и снова под тобою только вода и вода — ни дыма, ни паруса.

Басок вел свою небыструю машину к норд-весту, — туда, где лежала невидимая граница между нашими и норвежскими водами. Время от времени он перегибался за борт кабины и напряженно вглядывался в море, покрытое мелкой рябью и похожее сверху на огромный лист мятой фольги. Вдруг море словно бы высветлилось,

и живой трепет почудился глазу летчика под рябью волны.

«Косяк», заметил про себя Басок.

Он покружил над этим местом, отмечая границы светлого пятна. Пятно тянулось далеко, местами рыба шла на небольшой глубине, и серебряные блики вырывались там на поверхность моря.

«Большой косяк», заключил Басок удовлетворенно.

Сельдь шла от берегов Норвегии к Мотовскому заливу, увлекаемая в свое ежегодное путешествие. Наступило время нереста — брачная пора. Появления рыбы в этих водах уже с неделю ожидали рыболовные траулеры. Подстерегая косяки сельди, они, готовые к лову, бродили от фиорда к фиорду.

Сергей Басок лег на обратный курс, дал полный газ и полетел к Мурманску, чтобы сообщить там координаты встреченного им косяка. Радиостанция «Мурманрыбы» должна была передать затем эти координаты капитанам траулеров, чтобы те вышли навстречу и перехватили сельдь на пути к фиордам. Однако, отлетев недалеко от косяка, Басок поглядел вниз и увидел под собою силуэт одного из этих многочисленных рыбных траулеров, бороздивших море в поисках сельди.

«Им отсюда до косяка часа четыре ходу, — подумал Басок. — Надо их навести».

Он сделал круг, посадил машину на воду и зарулил к траулеру. Можно уже было разобрать название и номер: «РТ-57. «Смена». Мурманрыба».

— На тральщике! — крикнул Басок.

— Есть на тральщике! — отозвались с палубы.

Басок изо всей силы швырнул бухту тонкого троса, и ее ловко принял на лету невысокий молодой паренек. Летчик спустил на воду резиновую шлюпку и подгреб к трапу.

— Счастье вам, рыбаки, валит! — крикнул он еще снизу.

— Наше счастье с воздуха не приходит, оно в воде плавает, — отозвался капитан, подошедший к трапу, чтобы встретить летчика.

— Пока плавает — оно не наше, — засмеялся паренек, закреплявший чалку на кнехте. — Вот когда в трюме будет...

У паренька были близко поставленные, глубоко сидящие глаза. Нос задран кверху, и широкие ноздри почти вертикально поднимались над верхней губой. Лицо казалось неизменно задорным.

Басок рассказал о встреченной рыбе, и капитан распорядился о перемене курса.

— Во-время прилетели, — сказал он летчику. — Обед готов.

Они ушли в салон, а через полчаса Басок снова появился на палубе, и траулер застопорил ход, чтобы спустить летчика и дать ему приготовиться к полету. У трапа был тот же паренек, который давеча принимал с самолета причальный трос. Все время, пока летчик обедал в салоне, он простоял у борта, следя за «амфибией», плывшей вслед тральщику на тонком буксирном конце. Поплавки самолета зарывались в воду, белая пена обдавала расчалки фюзеляжа. Высоко расположенный мотор покачивался над морем. На волне машина казалась неуклюжей, нескладной. Теперь в ней ничего не было от той стрекозиной легкости, что появлялась сразу же, едва машина взмывала в воздух. Когда Басок вышел наверх, паренек оглядел его так пристально, что летчик сразу угадал в этом взгляде желание заговорить.

— Рыбу ждешь? — спросил Басок, чтобы облегчить пареньку начало разговора.

Вместо ответа паренек спросил громким хриповатым голосом:

— Трудное это дело — летать научиться?

Это был привычный вопрос. Басок засмеялся и ответил, как отвечал уже не одному десятку людей:

— Как кому! Не попробуешь — не узнаешь...

— Вот я и думаю, — сказал паренек. — Я полечу.

Басок уже спускался по трапу к своей резиновой шлюпке. Паренек крикнул ему вдогонку:

— Я полечу! В небе встретимся. Сивков моя фамилия, вы не забудьте!

Капитан хлопнул Сивкова по плечу:

— Ты лучше ножик наточи, летчик, скоро рыбу шкерить придется, косяк идет. Вот и покажешь свой высший пилотаж. — И, обернувшись к летчику, сказал: — Вы б его на разделке рыбы посмотрели. Артист!

...Веселая суета кипела на траулере. Близился час настоящей работы. Люди окатывали водою разделочные столы, приводили в порядок трюмы, готовили соль и лед. Сивков не успел отойти от трапа, как его окликнул летчик, садившийся в шлюпку:

— Пойдем со мной к самолету — поможешь разобраться.

Они поплыли к «амбфибии», и Басок откинул капот мотора, проверяя машину перед полетом. Сивков глядел через плечо пилота.

— А вы давно летаете? — спросил он летчика.

— На этом «драндулете» второй год,—объяснил Басок. — Я в истребительном полку был. Три года летал.

Он чувствовал в вопросах Сивкова, в его любопытных взглядах, в неестественном напряжении голоса ту жажду большого дела, которая была и ему самому знакома с давних юношеских лет. Он утолил эту жажду, поступив в школу аэроклуба, но не мог удержаться там, где ему хотелось остаться больше всего, и теперь его одолевала постоянная острая тоска по хорошей скоростной машине. Он всегда мечтал стать истребителем.

Горячий, неукротимый характер помешал ему остаться в полку. Басок любил покуролесить в воздухе: то сделает несколько лишних фигур сверх того, что задано; то пойдет на бреющем там, где это запрещено строго-настрого, и опять угодит на гауптвахту; то затянет штопор сверх всякой меры, — так, что у всех, кто стоит на аэродроме, останавливается сердце. А когда полк его попал в гористую местность, Басок нашел для себя новое развлечение: пойдет по верхушкам кустов к одной из дальних утесистых гор и у самого склона, когда кажется уже, что вот-вот вмажет его машина в камень, сделает свечу и круто заберет высоту. После первого раза с ним говорил майор. После второго — Басок ушел на гауптвахту. Когда в третий раз он снова повторил то же самое, майор вызвал его к себе и с глазу на глаз сказал:

— Вы отличный летчик, товарищ Басок, но оставлять вас в полку я не могу. Может быть, и вы живы будете, и ваша машина уцелеет. Но молодые, глядя на вас, начнут гробиться. Это факт. Я вас демобилизую. Будем надеяться, что работа в гражданской авиации сделает вас осмотрительнее и охладит ваш характер.

На пассажирскую линию Басок не захотел итти. Он выбрал рыбную разведку, потому что здесь приходилось летать одному, и это больше напоминало вылеты на истребительной машине, которые он так любил в полку.

Майор был прав. Работа многое в нем изменила. Попросту говоря, он стал взрослее. Если бы только доказать это и возвратиться в свой полк! Но Басок слишком хорошо знал, что это для него сейчас невозможно. Он спросил Сивкова:

— А ты почему летать захотел?

Сивков сощурил глаза, словно прикидывал: такой ли перед ним человек, чтобы стоило начистоту говорить? И, подумав, ответил:

— Я хочу такое в жизни сделать, чтобы меня все враз узнали: «Ай да Сивков! Вот это отколол!» Может, я еще успею первым вокруг земли махануть...

Басок покачал головой.

— Молод ты, парень. Человек, который так думает, никогда ничего путного не сделает. Ты не о славе думай, а о деле. Славу по хотению не вызывают...

— Это я знаю, — возразил Сивков. — Мне семнадцать лет было, когда я из дому ушел. Решил сюда добираться, в Мурманск, к океану. Думал, что мне здесь, с берега, сразу весь мир откроется. А оказалось — ничего, кроме селедки, не вижу...

Басок снова укорил его:

— Вот и выходит, что ничего ты не знаешь. Большого дела без большой работы не сделаешь. А в воздухе славу заслужить не легче, чем в море. Ты про это подумай.

Он проверил все крепления, посадил Сивкова в шлюпку и повез назад, к траулеру.

— Подумай, — повторил он, прощаясь. — А тогда решать будешь.

— Я думал, — сказал Сивков.

Басок вернулся к машине. Он поднялся на плоскость, втянул за собою шлюпку и выпустил из нее воздух. Мотор заурчал, потом заревел, пропеллер замелькал серебристым кругом. «Амфибия» скользнула по воде, оторвалась и сразу сделалась снова похожей на стрекозу в напряженном устремлении полета. На траулере заработала машина, и он пошел своим путем к тому месту, где летчик повстречал сельдяной косяк.

Прошло около трех часов, и вот уже первая рыба ртутной волною затрепетала на палубе.

Сидя верхом на узкой скамье, Сивков орудовал ножом. Он подхватывал рыбу левой рукой пониже головы, а правой делал три взмаха: раз! — и рыба раскроена от

головы до хвоста; два! — это не взмах, а легкий росчерк ножом, надрез над хребтом, чтобы соль попала, куда нужно; три! — тут нож идет тяжелее, и слышится такой звук, будто бегущий мальчишка проводит палочкой по забору: нож идет по хребту. Еще двумя короткими движениями отделяются внутренности, летят в деревянное ведро, а сельдь через острие ножа перебрасывается в гору разделанной рыбы. Вокруг все залито тузлуком и рыбьей слизью. Тузлук разъедает руки. Чешуя — на промокшем жестком фартуке, на лице, в волосах. Чешуя попадает в карманы, налипает на заявление в летную школу, которое Сивков написал после прощанья с Баском.

Поздно ночью, в кубрике, он достает это заявление и, увидев на нем селедочную чешую, сердито комкает бумагу и швыряет комок в дальний угол.

— Чего психуешь, Ванюшка? — спрашивает у него Казаков, сосед по койке, пожилой рыбник, промышляющий в Баренцовом море уже второй десяток лет. У Казакова круглое красное лицо обрамлено седой клочковатой бородой; он похож на норвежского капитана. — На крало за письмо обозлился, что ли? — толкует он по-своему жест Сивкова.

— Летать хочу, а селедка не пускает. Развернут летчики мою бумажку, а от нее рыбой разит, и буквы чешуей залеплены. Они и читать такого не станут...

— А ты что думаешь, — говорит Казаков, приподнимаясь на локте от своей койки, — летчику наша рыба не нужна? Летчик тоже до рыбки охотник. Значит, он и нас с тобой уважать должен. Наше дело хорошее, людям на пользу.

— Знаю я... А только мне другого хочется. — Коричневые зрачки Сивкова уставились кверху; он глядит на ребристую палубу, словно видит сквозь нее небо и быстрые самолеты. Иллюминатор в кубрике открыт. Свет-

лая полярная ночь стоит над морем. Дальний берег покачивается за стеклом иллюминатора; освещенный незаходящим солнцем, он кажется теперь розовато-лиловым. Короткая, невысокая волна кладет легонько тральщик с борта на борт. Увещания Казакова журчат размеренно и тихо. Сивков не вслушивается в них, он устал за день от своей работы и от напряжения мысли, и теперь он засыпает вдруг, разом, с недоуменной мыслью и нерассеянной своей тоской...

2

Сивкову исполнилось девятнадцать лет.

Осенью 1940 года он пошел на призывную комиссию.

Со времени разговора с Баском минуло четыре месяца. Сивков не послал заявления в летную школу. Он решил проситься туда, придя на призывную комиссию. Теперь он стоял перед длинным столом. Пожилой подполковник, еще несколько военных людей, — один из них в морской форме, с нашивками капитана третьего ранга, — и врачи в белых халатах внимательно смотрели на его невысокую, коренастую, плотно сбитую фигуру.

— Нормальный моряк, — сказал капитан третьего ранга.

Сивков открыл было рот, чтобы сказать членам комиссии давно приготовленную фразу, что он просит послать его в авиацию, но вдруг решил не говорить об этом. Он вспомнил тот день, — два года назад, — когда оставлял свой родной дом в Христинском переулке, в городке Николаевске, что близ Сталинграда.

Николаевск был маленьким городком.

Одноэтажные дома стояли недалеко один от другого. Между домами были сады; там росли невысокие яблони, груши и вишни. К старым, полусгнившим заборам жался смородинный и малиновый кустарник, а среди него поднимались ветвистые, узловатые тутовые де-

ревья, называемые в здешних краях запросто — «тютиной». На улицу выходили палисадники, где на клумбах цвели пестрые настурции, петуньи и душистый табак.

Жизнь в таких городках всегда размеренная, тихая: отцы работают, матери хозяйничают в домах, вечерами соседи сходятся у своих палисадников и ведут долгие беседы о всякой-всячине: о том, как принялась недавняя прививка на яблоню, и каков нынче будет урожай картошки на николаевских огородах, и как растут дети, выбирая себе в жизни нежданные-негаданные для родителей пути.

В одном из таких домов вырастал и Иван Сивков. Отец его плотничал. Во дворе всегда лежали груды ульев, сколоченных для окрестных пчеловодов, некрашенные оконницы для непостроенных еще домов; земля была усыпана свежей, вкусно пахнущей стружкой; весь день было слышно, как поет пила, покряхтывает рубанок в умелых руках отца, постукивает молоток по стамеске. Иван тоже научился владеть отцовским инструментом, и однажды он сам выстругал себе большой деревянный корабль с высокими наклонными мачтами.

— Далеко плавать собрался? — в шутку спросил отец.

Иван деловито объяснил:

— Далеко. Мне далеко нужно.

— Ты плыви пока в школу, время уже, восьмой час...

Большой отцовский сад был Ивану и его друзьям непроходимыми джунглями, а «тютина» на задворках — центром неведомого острова, на котором жило своей воинственной жизнью шумное и неугомонное племя.

Потом они подросли; корабль, выструганный когда-то Сивковым, давно сломался и был затоплен на дне небольшой речушки, протекавшей близ городка. Друзья Сивкова готовились стать — кто агрономом, кто железнодорожником; недавний вождь дикого островного пле-

мени сдал испытания в летную школу, и для Ивана Сивкова попрежнему главной, манящей его мечтой оставалось море.

Ему шел уже семнадцатый год, когда он решил осуществить эту мечту.

Напористый и крепкий, как все волгари, не по возрасту подготовленный к вступлению в жизнь, уходил он из своего родного городка, с улиц, обсаженных серебристыми тополями и пыльными мелколистыми акациями.

Ему казалось тогда, что море — это большая синяя арена; на нее выходит герой, он виден оттуда на весь белый свет, и люди, затаив дыхание, следят за его подвигами: плывет ли на льдине по северным водам, спасает ли людей с гибнущего корабля, или уходит к неведомым, недоступным землям. Так говорили между собой школьники из маленького степного городка между Доном и Волгой.

И вот Сивков ушел к морю, в далекий Мурманск... Там все оказалось по-другому. Море, которое представлялось ему ареной для стремительного подвига, оказалось полем для большой, трудной и однообразной работы.

Перед столом призывной комиссии ему вспомнилось все это, вспомнились разговоры с Баском и Казаковым, и он понял, что жизнь сама показывает ему правильный путь. Он хотел связать свою жизнь с морем, значит не должен сходить с этого уже начатого пути. «Военный моряк», — не об этом ли думал он, уходя из Николаевска?

— Во флот? — сказал снова капитан третьего ранга, обращаясь к подполковнику.

— Во флот, — кивнул тот утвердительно и протянул руку Сивкову: — Поздравляю вас, вы зачислены на действительную службу в Рабоче-крестьянский военно-морской флот.

— Служу Советскому Союзу! — по-военному отозвался Сивков, пожимая протянутую ему руку.

Несколько дней спустя он прощался с товарищами на траулере «Смена».

Траулер стоял в рыбном порту; деревянный причал был завален треской и сельдью. Бородатый Казаков командовал разгрузкой. Вытирая на ходу руки, мокрые от тузлука, он подошел к Сивкову и похлопал его по заплечному мешку:

— Отслужишь, возвращайся к нам. Я из тебя тралмейстера сделаю. Будешь рыбник по всей форме.

— Времени у меня много, — отшутился Сивков. — Успеется подумать...

Его направляли в учебный батальон.

Краснофлотцы из молодого пополнения обучались на одном из северных островов. Там было много озер, похожих на каменные чаши, налитые до краев прозрачной студеной водой. В этих озерах краснофлотцы ловили рыбу. Над круглыми валунами поднимались мачтовые сосны, а между деревьями виднелись стены древнего монастыря, сложенные из серых гранитных глыб. Неподалеку от монастыря стоял каменный столб, и на нем было высечено большими славянскими буквами:

«От святой обители —
В Турцию до Царяграда — 4818 верст
В Португалию до Лиссабонии — 5881 верста
В Испанию до Мадрита — 5589 верст
До Рима — 4491 верста
До Венеции — 3900 верст
Во Францию, до Парижа, — 4096 верст».

Сивков подходил к столбу и разбирал непривычные, полустертые буквы. Видно, и два века назад люди тоже мечтали о просторе, высчитывая версты, пролегшие по морям и материкам от каменного северного островка до таинственного города «Лиссабонии».

Зимой остров занесло снегом. Море замерзло. Северное сияние полыхало по вечерам красновато-зеленым мерцающим светом. В мае начал ломаться у берега лед, тяжелые северные утки — свиязи — пролетели к югу, и из-под растаявшего снега появилась прошлогодняя черника. Пришел первый пароход из Архангельска. Краснофлотцы учебного отряда стали выходить в море на шлюпках, и Сивков, поднявшись на банку, разговаривал с берегом, размахивая флажками: он готовился стать сигнальщиком.

В середине июня обучение закончилось. Сивков ожидал назначения на корабль.

Однако попасть на корабль ему не довелось.

Назначения для окончивших обучение в отряде должны были притти в первых числах июля, а утром 22 июня взволнованный, ошеломленный Сивков стоял в кругу своих товарищей у репродуктора. Голос Молотова говорил им о начавшейся войне. Он говорил о бомбах, предательски сброшенных минувшей ночью на Киев, на Минск и Севастополь. Он говорил о танках, ринувшихся внезапно через границу. Между голосом, доносившимся из Москвы, и сердцами людей, собравшихся подле репродуктора на дальнем северном островке, казалось, не было разъединяющего пространства.

— Враг будет разбит! — это и они говорили вместе с наркомом. — Победа будет за нами!

Репродуктор умолк. Плотно сжав кулаки, стояли вокруг краснофлотцы.

— Немец! — ни к кому не обращаясь, яростно сказал Сивков. — Ну, что ж, держись теперь, немец!..

Он хотел одного: сейчас же, мгновенно, перенестись туда, где начиналась битва.

На листке тетради он написал рапорт своему командиру:

«Прошу командира кадровой роты отправить меня на фронт, так как я хочу защищать свою любимую родину до последней капли крови и до полного разгрома фашистской гадины».

Он хотел уже подписать рапорт, но остановился и приписал для верности еще одну строчку, словно представил, что ему пытаются отказать, и настаивая на своем:

«Прошу в просьбе не отказать».

Потом подписался крупно: «Иван Сивков».

— Я доложу, — сказал ему командир, приняв рапорт.

3

В штабе эту операцию называли «компрессом».

Десант из нескольких отрядов морской пехоты высаживался на побережье фиорда, в тыл врага, в самый центр полукольца немецких и финских укрепленных позиций. Основные силы неприятеля были сосредоточены вдоль берега небольшой приграничной реки. Эта река стекала с гор и была быстрой и шумной. Меж валунов, по каменистому руслу мчалась светлая вода; ближе к морю русло раскидывалось широко, и вода текла здесь ленивее и тише. Внезапным ударом первых дней войны немцам удалось вклиниться на нашу территорию, в гряду пустынных скал, но у реки они были задержаны и стали накапливать силы для нового броска на Мурманск. У реки сосредоточилась горно-егерская дивизия, спешно переброшенная из Нарвика; ожидали прибытия еще одной дивизии. Кроме того, было несколько батальонов финской пехоты, приготовленных для разведки и диверсий. Командовал всей группой генерал Дитл. Он расположил свой штаб к востоку от Петсамо, в землянках. Землянки не были рассчитаны надолго, и штаб Дитла не заботился об их благоустройстве: готовились к ско-

рому переселению в Мурманск. В двухэтажной гостинице близ Петсамского порта и в маленьком «Парикина-отель», окна которого обращены были к гавани, именуемой Девкина Заводь, жили интендантские чиновники из Берлина и офицеры-резервисты, числившиеся за штабом. В бумажниках у них уже лежали оккупационные марки, только их еще негде было тратить, потому что Финляндия считалась не оккупированной страной, а «союзным государством». Немцы ждали Мурманска: там оккупационные марки пойдут. В сущности, о Мурманске говорили как о занятом городе. На листовках, которые получил отдел пропаганды для сбрасывания с самолетов перед линией фронта, Мурманск был уже заштрихован, как город, куда вступили германские войска. Штаб Дитла считал дни, оставшиеся до вступления в Архангельск.

Задача десанта, высаженного на фланге немецких позиций, заключалась в том, чтобы раздробить занесенный фашистами кулак, оттянуть на себя возможно более значительные силы и облегчить этим отпор врагу на других участках фронта — там, где решался исход битвы за Мурманск.

Корабли десанта подошли к берегу светлой июльской ночью. Немцы не заметили их появления в фиорде, и начало высадки проходило в полном спокойствии; даже не верилось бойцам, что вот они прибыли, наконец, на фронт, на самые что ни на есть «передовые».

Иван Сивков высаживался с одного из небольших ботов, приваливших вплотную к утесистому гранитному берегу.

Его просьбу выполнили, зачислили в отряд морской пехоты и направили из учебного батальона в Мурманск— в город, с которым связаны были два последних года его жизни. Теперь город этот выглядел совсем по-иному. Сюда уже прилетала немецкая авиация. Правда, воронки были засыпаны, но вместо знакомых домов виднелись

свежие котлованы. Разрушенные бомбами дома разобрали, сложили кирпичи ровным штабелем, а рядом лежали так же аккуратно уложенные горелые балки.

На пути от вокзала в порт Сивкову встретился военный летчик в синем комбинезоне. Он остановил Сивкова и сказал:

— Ты мне наказал свою фамилию помнить. Я тебя помню, Сивков.

Сивков засмеялся: он тоже узнал Баска.

— Ты и теперь о славе думаешь?—продолжал Басок.

Сивков ответил:

— Я теперь об одном думаю: как немца побольнее ударить.

— Правильно: иди, бей! — напутствовал его Басок.

Теперь Сергей Басок снова служил в истребительном полку.

В Мурманске Сивков задержался не надолго. Их отряд увезли в один из фиордов, и там началось недолгое, но настойчивое обучение существу пехотного боя.

Во второй половине июля отряд был направлен с другими частями десанта в ту операцию, которую окрестили «компрессом».

Отряд выходил из бота на берег одним из последних. Теперь уже немцы опомнились. Их батарея стала откуда-то бить по побережью, а ей отвечал из своих пушек наш сторожевой корабль, укрытый за ближним мысом. Немцы вызвали с аэродрома самолеты, и три звена «Юнкерсов» висели над местом высадки. Они держались высоко, и оттого бомбы ложились неточно. Спуститься пониже им не позволяли корабельные зенитки.

Сивков последовал за товарищами к поросли редких карликовых берез. Они положили там, меж валунами, свои вещевые мешки и стали проверять боезапас. Оказалось, каждый норовил взять побольше, — столько, сколько мог он унести с собой. У моряков было по пол-

дюжине гранат — в сумках, за поясом, даже за голенищами сапог. А все карманы были набиты патронами — в обоймах и просто так, насыпью, по четыре, пять сотен.

Маленький, коренастый Сивков был тоже весь увешан боевым снаряжением.

— Ты что? Один целый склад унести собрался? — шутили товарищи.

А он похаживал в их кругу и подтверждал весело:

— Не приближаться! Огнеопасно!

На плечи десантников были накинуты зеленые плащ-палатки, на головах — стальные каски. А под плащ-палаткой неизменный, родимый черный бушлат. Ворот распахнут — виднеется полосатая тельняшка. Защитные ватные брюки подтянуты черным флотским ремнем, с якорем на надраенной пряжке.

Быстро, не давая немцам подтянуть сюда силы для отпора, моряки начали продвигаться в глубь вражеской обороны. На высотах встречались спорные пункты со складами продовольствия и боезапаса. Гарнизоны двух таких пунктов побежали в смятении, застигнутые врасплох. Рота, с которой шел Сивков, вышла к третьему опорному пункту; этот был больше двух предыдущих, и гарнизон его многолюднее. Здесь немцы решили оказать сопротивление. Завязался бой.

Сивков раньше часто пытался представить себе, каким будет первый бой. Теперь он даже не успел об этом подумать. Вражеские мины завыли над головами моряков. Взрывы раздавались так близко, что Сивков несколько раз ощутил, как волна теплого воздуха сбдает его лицо.

— Вперед, вперед! — крикнул командир взвода Копенкин и устремился туда, где неукротимо бушевал огонь, рвались мины и пули впивались в мох, ударяли в камень, высекая искры.

Сивков понял: они должны как можно быстрее пробежать эту обстреливаемую лощину. Там, впереди, ле-

жит то самое «мертвое пространство», о котором рассказывал Копенкин, когда они были в тылу и выходили с командиром на учения. Склон высоты, поднимающийся впереди, за лощиной, недоступен для огня немецких минометов. Сивков ринулся в огонь и дым. Мина грохнула левее, совсем близко. Кто-то упал. Сивков не приметил — кто. Он бежал вперед. Рядом бежали его товарищи.

На склоне высоты Сивков заметил какие-то зеленые фигуры. Они стремительно вырастали, становились отчетливо видны. Теперь стало ясно, что они стреляют. Немцы. Сивков тоже поднял свой полуавтомат и выстрелил. Начали стрелять и его соседи, бежавшие рядом. Фигурки провалились, как проваливается цель в тире: они залегли в камнях. Сивков продолжал бежать, не останавливаясь; он уже поднимался на склон. Крупные валуны лежали на пути. Сивков споткнулся о камень, не удержался на ногах. Пот заливал глаза, было трудно смотреть, но он увидел, что впереди — теперь уже совсем близко — поднимаются снова зеленые фигурки. Немцы не стреляли больше — они просто пытались унести ноги. Их снимали выстрелами из полуавтоматов, иных прикалывали широкими ножевыми штыками. За ближним камнем вырос вдруг один с поднятыми руками. На него набежали, окружили, забрали оружие.

Все было кончено. Опорный пункт занят. Атака длилась около двадцати минут.

Сивков забежал в один из блиндажей. На земле скорчились два убитых немца. Белела разбросанная бумага — газеты, письма. Здесь взорвалась брошенная кем-то из моряков граната. Вырезанный из журнала женский портрет удержался на деревянных досках стены. Портрет был забрызган кровью. Сивков нагнулся к убитому немцу и отстегнул его револьвер.

«Прикладистый», подумал он, взвешивая его на ладони.

Сунул револьвер за ремень и выскочил из блиндажа. Пулеметчики катили свои пулеметы к грудам камней на вершине, располагая огневые точки. Выстрелы хлопали где-то в отдалении. Ноющий посвист пуль тоже стал едва слышным.

Моряки заняли намеченные рубежи и закрепились.

Немцы прощупывали передний край: то вражеский взвод, то рота появлялись перед постами боевого охранения и предпринимали атаку. Немцев отбрасывали.

Каждый день ровно в шесть часов утра появлялись первые неприятельские самолеты.

— Воздух! — кричали наблюдатели, и моряки ложились меж камней, а самолеты проходили над ними, со скрежещущим металлическим гудом; они бросали бомбы и стреляли из пулеметов. Заметив плохо замаскировавшегося человека, немецкий летчик начинал охотиться за ним; даже одиночек не оставляли в покое. Но больших потерь от авиационных штурмовок не было.

По ночам разведчики пробирались во вражеский тыл. Они нападали на немецких солдат, резали телефонные провода, отыскивали автомашины и ломали их. Так прошло несколько дней. На том участке, где действовали десантные отряды, было истреблено уже больше тысячи неприятельских солдат. Немцы бросили сюда крупные силы с главного направления. «Компресс» сделал свое дело, и десантникам пора было уходить.

Немцы нажимали на моряков изо всех сил. В ночь с первого на второе августа начался жестокий обстрел позиций, занятых моряками.

Ночь была пасмурная, моросил мелкий дождь. Сивков лежал между камнями, завернувшись в плащ-палатку. Но тяжелый, взмокший брезент не давал тепла. Знобкая дрожь одолевала тело. Капли дождя дробно и часто стучали по каске. Сивков привалился к соседу, — стало немного теплее, но сон не приходил.

Все чаще и чаще, вспарывая воздух, с коротким воем неслись над рощей снаряды и мины. Они рвались где-то поодаль, правее, где расположилось соседнее подразделение моряков.

Едва забрезжил рассвет, послышалось знакомое предупреждение:

— Воздух!

Немец сегодня полетел рано: было всего лишь четыре часа утра. Самолеты прошли в том же направлении, где падали мины, и оттуда донеслись разрывы бомб и частый треск авиационных пулеметов.

Все предвещало скорое начало немецкой атаки.

Сосед Сивкова проснулся:

— Сегодня утро с музыкой!..

— Последнюю гастроль даем, — отозвался Сивков.

Моряков подняли на ноги раньше обычного, и взвод Копенкина выступил к переднему краю, чтобы занять оборону. Их рота должна была прикрывать отход десанта. Навострившееся ухо Сивкова различало в свисте пролетающих над головами снарядов новый оттенок звука.

— Слушай, ребята! — сказал он. — Наши стальные галушки немцам в рот летят.

Это били миноносцы со стороны фиорда.

Скоро показались в воздухе наши истребители, и немецкие летчики, волнами налетавшие на передний край, ушли, пронесшись над самой рощей на бреющем полете.

— Давай, Басок, давай! — сказал про себя Сивков, уверенный почему-то, что Басок непременно находится в одной из этих шести машин, промчавшихся в сторону немцев.

Отряд вышел к указанному рубежу и едва успел расположиться на позициях, как впереди, в лощине, показалась цепочка немецких солдат. Немцы бежали, согнувшись, а слабый ветер невнятно доносил их выкрики.

В той стороне, откуда они показались, должен был находиться второй взвод. Неприятелю, видимо, удалось обтечь позиции этого взвода с фланга. Немцы появились здесь гораздо раньше, чем их ожидали, и положение создалось не легкое. С командного пункта майор приказал сменить позиции и выровнять линию обороны.

Вдалеке от высот, на которых завязывался трудный бой, начиналась уже эвакуация частей десанта. В небольшие бухты заходили боты, на них перевозили раненых, грузили имущество и оставшиеся боеприпасы. Начали уже подтягиваться и бойцы второго эшелона. Чтобы избежать ненужных потерь, немцев следовало удержать во что бы то ни стало, не допустить их преждевременного выхода к фиорду.

Об этом рассказали всем бойцам, находившимся на переднем крае.

Под прикрытием пулеметного огня третий и четвертый взводы стали менять позицию. Сивков был в третьем.

Снова прошли немецкие самолеты. Теперь они атаковали ту высоту, на которой находился Сивков с товарищами. Бомбы падали на гранит и в болотца; казалось, что вся высота содрогается мелкой непрерывной дрожью. «Юнкерсы» и «Мессершмитты» делали круг за кругом, уходили и возвращались снова. Едва самолеты ушли, перед новыми позициями взвода опять появилась цепь атакующих немцев. Они шли, уткнув автоматы железным прикладом в живот, и стреляли, выпуская очередь за очередью.

«Глупо бьют», неодобрительно подумал Сивков.

Он занимал позицию в самом опасном месте. Площадка, на которой он лежал, была открытой, — она хорошо просматривалась врагом, и немецкие минометчики к ней отлично пристрелялись.

Осколком мины был ранен в ногу Копенкин. Минуту спустя разрывная пуля перебила ему и правую руку.

Время, в течение которого взвод должен был удерживать свои позиции, было уже на исходе. Еще десять минут, и можно будет отходить. Но как трудны бывают эти последние минуты! Немцы всё усиливали натиск. Одетые в буро-пятнистые халаты, накинутые поверх зеленых шинелей, они наползали теперь на высоту со всех сторон.

Сивков услышал голос Копенкина. Раненый командир был еще здесь. Он хотел выполнить свою задачу до конца. Обернувшись на миг, Сивков крикнул ему:

— Дойдете сами до перевязочного пункта? Обо мне не беспокойтесь!

Теперь Сивкову нужно было неотрывно следить за движением немцев в лощине, но он все же улучил еще миг и осмотрелся вокруг, считая соседей: два, может быть, три человека оставались еще на высоте. Остальные были убиты или тяжело ранены. Копенкин все еще не ушел.

— В санчасть! — крикнул ему Сивков, снова повернувшись в сторону немцев. — Идите сейчас же в санчасть!

Он лежал за камнем, и груда порожних гильз вырастала рядом. Сивков выжидал предельного сближения с врагом, нажимал спусковой крючок и ясно видел, как падает еще один немец, чтобы никогда не подняться больше с этой рыжей, мшистой земли. Немецкие солдаты останавливались, отбегали, и тогда Сивков позволял себе обернуться, чтобы проверить: уходит ли командир? что с ним? не добила ли его шальная немецкая пуля?

Копенкин удалялся, прыгая с камня на камень на одной своей здоровой ноге. Левой рукой он опирался на чью-то чужую винтовку с расщепленным прикладом.

Прошло еще пятнадцать минут.

Уже отошли с соседней высоты пулеметчики, уже не осталось рядом с Сивковым больше ни одного бойца, патроны были на исходе, и выстрелы из полуавтомата Сивкова становились все реже, а держаться нужно было еще двадцать пять минут.

Сивков стрелял теперь по-снайперски, выбирая цель, стремясь не тратить впустую ни одной пули.

Он убил офицера, шедшего посреди цепи. Сивков отличил этого офицера по пистолету, зажатому у него в руке, — точно такой пистолет Сивков снял с убитого в блиндаже на захваченном опорном пункте несколько дней назад. Смерть немецкого офицера дала моряку короткую передышку.

Как недавно еще числил Сивков свою жизнь на долгие годы, не помыслив ни разу о возможном конце! Он выбирал себе путь, любая дорога в жизни была открыта для него, и это от жадности к жизни у него разбегались глаза. Теперь вся жизнь измерялась двадцатью минутами, которые должен он провести здесь, на этой высоте. Умереть раньше он не имеет права. Вся родина сосредоточилась для него сейчас в этом гранитном уступе, поросшем рыжими и серебристыми мхами; здесь он бережет и свою родную сталинградскую степь, и город своего детства, и изувеченный войной, ставший теперь во много крат дороже и ближе город зрелости — Мурманск.

«Я тебя тралмейстером сделаю», вспомнились слова Казакова.

Да, ему никуда не уйти отсюда. Вспомнилась еще надпись на каменном столбе: «...до Лиссабонии 5881 верста, до Царяграда — 4818 верст...» Никогда теперь не увидеть ему далеких, неведомых берегов, никогда не поплыть больше по студеному бурному морю, не ступать

и по щедрой родимой земле. Но ради того, чтобы сама эта родимая земля не оскудела, а оставалась такой же счастливой и щедрой; ради того, чтобы новые поколения юношей, взращенных на этой земле, смогли строить жизнь по стремлению своего сердца; ради того, чтобы народ, населяющий эту землю, оставался свободным и гордым, — ради всего этого разве можно поскупиться чем-либо, пусть самым дорогим, пусть даже самой кровью и жизнью своею?! Слишком много бурых халатов появляется везде на скатах. Но нужно держаться еще двадцать, пусть хоть пятнадцать минут. Вот оно и пришло — то, о чем он писал в своем рапорте командиру роты какой-нибудь месяц назад:

«До последней капли крови...»

Что ж, он честно сдержал свое слово...

Короткая передышка кончилась. Немцы наползают снова. Для них слишком ясно стало, что на скале против них остался всего лишь один человек. Сивков может вести теперь только очень слабый, очень редкий огонь: у него осталось две обоймы.

Впереди, в лощине и на скатах, лежат убитые им немцы. Их много, больше десятка. Но считать некогда. За ближним камнем выпрямился во весь свой рост еще один неосторожный немец, — вероятно, решил, что моряк, оборонявший скалу, убит. «Врешь!» Сивков снова нажал на спуск. Тихо. Немец продолжает подниматься вперед. Выстрела нет. Достреляна последняя обойма.

Еще пять минут. Ну, это он сумеет. Сейчас немцы хлынут сюда всей массой, а тут он им сумеет еще задать работы — не на пять минут, а больше.

Он рассчитал правильно. Не прячась, не пригибаясь к земле, отовсюду пошли на него осмелевшие немцы. Сивков расслышал изуродованные чужим выговором слова:

— Сдавайся, русский!

— Ах ты!.. — выкрикнул моряк короткое слово. — Русские в плен не сдаются!..

И он тоже выпрямился над скалою во весь свой рост, встречая лицом к лицу набегающих немцев.

За грядою скал, невдалеке отсюда, лежал неширокий залив родного, исхоженного на тральщике моря. По заливу пыхтели небольшие боты. Последние отряды десанта переправлялись из вражеского тыла на родной берег. Немцы не выйдут к берегу, прежде чем оттуда не отчалит самый последний бот. Слева от Сивкова, на бугристой, поросшей густым кустарником высоте закрепились уже пулеметчики. Приказ майора выполнен: несмотря на внезапный обход немцев, линия обороны выравнена, и боевые друзья Сивкова продолжают вести бой, сдерживая наступающего неприятеля. Переход произведен благополучно благодаря тому, что Сивков — один! — принял удар, направленный на защитников высоты. В палатке санчасти перевязывали рану Копенкину, и спасенный командир взвода думал о том, что он всей жизнью своей обязан Ивану Сивкову, и в душе произносил клятву: прожить эту жизнь так же благородно и мужественно, как прожил свою короткую жизнь отважный моряк.

А дальше, за узкой полоской залива, тоже вели бой наши части.

Там начинался великий фронт отечественной войны, протянувшийся отсюда до берегов далекого Черного моря. К востоку простирались необозримые просторы родимой советской земли, породившей отважных и гордых сыновей, повторяющих, как клятву:

«Враг не должен пройти дальше. Мы должны выстоять, удержать и уничтожить немца!»

И та же клятва стучала в сердце Сивкова, поднявшегося перед врагами.

У него еще оставалась одна граната.

Иван Сивков поднял эту гранату высоко над головой.

Враги поднялись на уступ, где стоял моряк, окружили Сивкова со всех сторон. И тогда он рванул рукоятку, подержал гранату в руке еще секунду-другую и уронил ее себе под ноги. Черное облако взрыва поднялось над скалою.

Иван Сивков перестал жить на земле, чтобы остаться в веках вечной славой и гордостью своего народа, легендарным примером любви к своей родине, символом величественного презрения к смерти во имя победы в бою.

Он был рожден близ Волги, на гордой сталинградской земле.

Защищать эту землю ему довелось далеко — в заполярных гранитных скалах.

Но и там сумел быть сталинградцем — до последнего дыхания своего — боец морской пехоты, комсомолец Иван Михайлович Сивков, Герой Советского Союза.

★

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Редактор *М. Дальцева*
Подписано к печати 3/IV 1943 г.
Л23459. 1 печ. л. 1,3 уч.-изд.л. 58240
зн. в печ л. Тираж 50000 экз.
Зак. 392. Цена 35 коп.

Ф-ка юнош. книги изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, ул. Фридриха
Энгельса, 46.

ОИК-73684

Цена 35 коп.